

Драма противостояния

Космоцентризм деревенской и техноцентризм городской культур

Чеслав КИРВЕЛЬ,
доктор
философских
наук, профессор

Сегодня о терроризме, международном терроризме пишут многие. Содержательная природа данного явления и его классификация, несмотря на многообразие подходов, особых дискуссий не вызывают. Вместе с тем, когда дело доходит до интерпретации причин терроризма и его оценки, ситуация меняется.

Окончание. Начало в № 2.

Субъекты террора могут преследовать разные конечные цели – религиозно-этнические, идейно-политические, социально-экономические, духовно-нравственные, территориальные и даже цели глобального уровня, обусловленные феноменом «столкновения цивилизаций». Однако истолкование причин и оценка террора как явления в существенной, если не в решающей степени зависит от идейной позиции исследователя или от принадлежности оценивающего к субъекту или объекту террористических действий. То, что одним будет представляться терроризмом, другими будет рассматриваться как акт «справедливого возмездия» агрессорам и оккупантам, как борьба против чуждой экспансии, как стремление сохранить свою цивилизационную идентичность и свой образ жизни.

Но коль скоро при анализе и оценке терроризма неустранимо присутствует идейно-ценностный аспект, то объективность анализа неизбежно будет односторонней. Именно с такого рода ситуацией мы и сталкиваемся сегодня. Вплоть до последнего времени в большинстве источников абсолютно доминирует анализ этого сложного и многоаспектного явления исключительно с идейных позиций и ценностей западной цивилизации, что представляется, по меньшей мере, контрпродуктивным. Попытки же анализа природы терроризма, исходя из концепции цивилизационного разнообразия мира,

в котором не только Запад всегда прав, в котором все цивилизации самоценны и имеют право на самостоятельный путь развития, встречаются в современной специальной литературе разве что в виде исключения.

В последние десятилетия мы стали свидетелями нарастания кризиса национально-культурной идентичности. Не в последнюю очередь он обусловлен и вызван современными глобализационными процессами. Глобализация, следует особо подчеркнуть, вовсе не протекает исключительно спонтанно-объективно и естественно-исторически ради решения общих проблем, во имя подлинного развития и высших целей. Напротив, она реализуется в локально-сепаратных, корпоративных интересах относительно узкой группы людей. Не случайно многие исследователи определяют глобализацию как «американизацию». В самом деле, данное явление в его прозападной (евро-атлантической), либерально-рыночной форме используется сегодня в качестве инструмента господства более сильных государств над более слабыми, орудия разрушения и взламывания всех охранных барьеров – финансово-экономических, территориальных, национально-культурных – технологически неразвитых стран, все еще продолжающих в той или иной степени сохранять традиционный образ жизни. А это, в конечном счете, означает, что современ-

ОБ АВТОРЕ

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович.

Родился в 1945 году в д. Мякиши Щучинского района Гродненской области. В 1972 году окончил философский факультет Ленинградского государственного университета, в 1976 там же – аспирантуру. В 1977 году защитил кандидатскую диссертацию по философии.

В 1977–1980 годах работал старшим преподавателем кафедры философии в политехническом институте в Комсомольске-на-Амуре. В 1980 году назначен и.о. заведующего, в 1981 году – заведующим кафедрой философии Гродненского государственного университета имени Я. Купалы.

Доктор философских наук (1990), профессор (1992).

Автор более 200 научных работ, в том числе нескольких монографий. Сфера научных интересов: исследование вопросов цивилизационной динамики, прежде всего в восточнославянских странах, проблем общественного сознания, а также предвидения и прогнозирования будущего человеческого общества.

ные глобализационные процессы приоб- ретают характер конкуренции между ци- вилизациями.

И порой народам и странам, не обладаю- щим современным вооружением и реаль- ной возможностью противостоять военному потенциалу евро-атлантического мира, не имеющим сил вести военные действия тра- диционными способами, не остается ничего другого, как реализовывать асимметричный ответ на вызовы западной цивилизации. Некоторые рассматривают международ- ный терроризм как один из таких ответов.

Изложенное позволяет констатировать, что международный терроризм есть продукт столкновения западноевропейской техно- центрической, техногенной цивилизации с цивилизациями, а точнее сказать, культу- рами, в той или иной мере сохранившими традиционный, космоцентрический харак- тер. В сущности, здесь уместно говорить о противоречии между культурой и цивили- зацией, между сторонниками сохранения духовности, то есть решения проблем чело- веческого бытия, посредством апелляций к сфере ценностей: греху, воздаянию, добру, злу, совести, чести, справедливости и т.д., и приверженцами инструментальных социо- технико-экономических способов регуля- ции общественных отношений без обраще- ния к Богу, чувствам, душе и духу человека. Первая сторона данного противоречия – это демографически бурно развивающиеся, но технически отсталые страны, в которых доминирует культурное регулирование, а вторая – это так называемые открытые общества технически развитых стран, где гос- подствуют инструментальные отношения между людьми, где даже интимные, личные связи регулируются социотехнически.

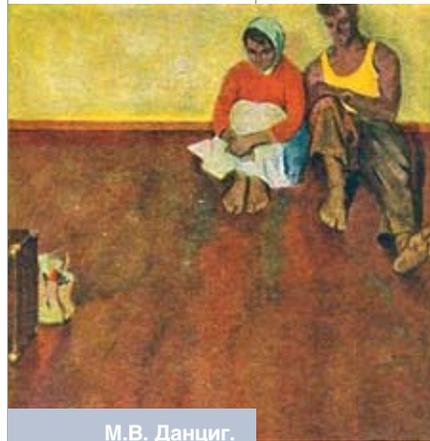
Сегодня «мир – технос» превратился из средства деятельности в нечто самодовлею- щее и самоценное. Технос – это не просто сфера, наряду с другими (техносфера), а то, что пронизывает всю жизнь западных обществ, то, что интенсивно выталкивает и замещает естественное искусственным, то, что укореняет чисто функциональные отно- шения к природе и человеку, к его телесной и духовной организации. «В супериндустри- альной социотехнической системе межчело- веческие связи перестают регулироваться до- и внерациональными способами: чувствами, обычаями, верой, любовью и ненавистью,

идеалами, противопоставлением добра и зла, греха и наказания, прекрасного и безо- бразного. Другими словами, духовность ре- дукцируется к разуму, ценности заменяются информацией. ...Если при приеме на работу практикуется предварительное тестирова- ние и проверка на детекторе лжи, то совесть больше не нужна. Если муж и жена живут друг с другом по контракту, то о семейных узах и любви можно говорить только по инерции. Если в армии служат только по найму, то идеи патриотизма и священного долга перед Родиной не актуальны. Все про- блемы решаются не «культурой», а техноло- гически... В совокупности все это и означает конец культуры как вступление человече- ства в постисторию» [1, с. 6–7].

Если члены обществ, со- хранившие традиционное, космоцентрическое вос- приятие мира, сориентиро- ваны на культуру, мораль, религию, предполагающие «служение», подчинение индивидуального чело- века некому Абсолюту, то есть сориентированы на определенную иерархию, вертикаль, без которой цен- ности не имеют смысла, то «члены открытого социо- техно-экономического об- щества – техноса – ориентированы гори- зонтально, на самих себя» [2, с. 161]. Ни к чему «высшему» они не стремятся, и ничем внешним они себя не ограничивают.

«Столкновение цивилизаций», если его конкретизировать, происходит в виде столк- новения культурного и технологического ми- ров как внутри, так и между цивилизациями. Хотя и с разной силой. Наиболее ожесточен- ное сопротивление своему уничтожению в настоящее время оказывает исламская куль- тура. В ее ядре довольно молодая, еще пас- сионарная религия, ее общества обладают средним уровнем материального достатка и высоким демографическим динамизмом. Она открыто приняла вызов техноса, хотя тайно, обычно в русле антиамериканизма, ей сочувствуют все другие субъекты культу- ры, в том числе сохранившиеся в западной цивилизации» [2, с. 161].

И действительно, столкновение еще культурных и уже технологических миров

М.В. Данциг.
«Новоселы».
1961 год

не редкость даже в рамках самой евроатлантической цивилизации. Дело доходит до того, что часть довольно успешного и образованного населения до такой степени ненавидит свои общества за их безграничные возможности технократического манипулирования людьми, что готова их разрушить, приняв сторону «цивилизационного противника». Примеров тому множество.

Неудивительно, что даже американский автор С. Хантингтон прямо обвиняет западные правительства в том, что они инспирируют международный терроризм. Он пишет: «Важно осознать, что вмешательство Запада в дела других цивилизаций является, вероятно, единственным наиболее опасным источником нестабильности и потенциального глобального конфликта в полицивилизационном мире» [3, с. 282]. При этом он справедливо подчеркивает: то, что для Запада – универсализм, для других – империализм.

Решение проблемы мирового терроризма возможно только при условии смены парадигмы мирового развития. До тех пор, пока мы будем оставаться на позициях идейных ценностей западной цивилизации, решение этой проблемы в принципе невозможно. Без переоценки культа потребительства, гедонистического помутнения, духовной беспринципности, без преодоления технологизации человеческих отношений и процесса превращения человека в некое подобие робото-компьютерного устройства никакой решающей победы здесь не будет. Более того, если мы и дальше продолжим двигаться в сторону моноцентрической унификации мира, то реальный, а не концептуальный фукуямовский «конец истории» нам обеспечен.

ИМПЕРАТИВ ВЫЖИВАНИЯ

Сразу возникает вопрос: а есть ли вообще смысл в наш век интенсивного разрастания техносферы, ее почти ничем не сдерживаемой экспансии говорить о возрождении и развитии космоцентрической культуры?

Думаю, что есть и смысл, и основание. Дело в том, что современный человек, отбрасывая под напором городской техноцентрической цивилизации с ее безграничной специализацией земледельческий универ-

сализм, незаметно для самого себя теряет нечто очень значительное, возможно, самое важное в своей человеческой сущности. Ту разносторонность не только физического, но и умственного (не интеллектуального, а именно умственного) развития, которую получал здоровый крестьянин, не дает, каким бы странным это ни показалось на первый взгляд, ни один вид современного труда. Но ведь односторонность, «частичность» ведут к деградации человека, к бесконечному его

измельчанию и упрощению. При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что прежние человеческие способности, приобретенные в истории, действительно необходимы для органичности развития и современного индивида. Отнюдь не исключено, что прежний универсализм человека, фонд человеческих способностей во всей его полноте еще пригодится нам как подлинное достояние там и тогда, где и когда мы меньше всего будем об этом догадываться. Не стоит забывать и того, что самые могучие и устойчивые социальные общности и локальные цивилизации создали народы-земледельцы, самые оригинальные духовные ценности

порождены именно ими. Может, рано еще сдавать в музей все достижения традиционной земледельческой жизни и культуры?

Сейчас на фоне обострившихся экологических и других глобальных проблем реализация «грандиозных» замыслов тотальной переделки мира, всякая гигантомания становятся определенно опасными. Опыт показывает, что сложившаяся форма прогресса во многих отношениях представляет собой волюнтаристическое насилие над природой и социальной средой, разновидность деструктивной утопии, которая отражает нетерпеливое стремление человека подчинить себе окружающий мир до того, как будет достигнуто системное знание о нем. Реализация подобной утопии грозит обернуться разрушением глубинных структур бытия, глобальной катастрофой.

Теперь, когда человечеству грозит вырождение и даже гибель в результате целого ряда надвигающихся катастроф, самое время присмотреться к прежнему типу производящего человека и осмыслить источники

Мастер одного из московских заводов обучает слесарному делу крестьянскую девушку. Начало 1930-х годов

его животворящей энергии. Данное обстоятельство побуждает многих современных ученых по-новому взглянуть на достижения господствовавшей многие тысячи лет деревенской космоцентрической культуры. В экологическом плане перспективно то, что сельскохозяйственная деятельность людей, осуществляемая в «согласии с природой» в противовес технократизму механической экономики, может способствовать возрождению местной, жизненной экономики, стать одним из плацдармов для начинающегося контрастования космоцентрической модели развития на техногенную цивилизацию, что на деле будет означать смену парадигмы развития, смену ценностей. Такого рода представления – это отнюдь не очередная утопия, а императив выживания. Крестьянство является в этом смысле ценностью высшего порядка как наиболее близкая к космосу часть человечества, пока еще сохраняющая органичность.

Сегодня, таким образом, мы должны совершенно по-иному взглянуть на крестьянскую цивилизацию и ее связь с экологическим, постэкономическим укладом жизни. Крестьянская цивилизация – это, прежде всего, народное производство, представленное крестьянским трудовым коллективом. Для восточнославянских стран крестьянская цивилизация – «не подражательный» этап их развития, о котором писали многие экономисты, начиная с 80-х годов XIX столетия. Здесь нельзя не вспомнить размышления великого русского ученого-естественника Д.И. Менделеева о судьбе России, об обустройстве ее жизни: «Артель – кооперативный способ борьбы со злом капитализма, со своей стороны, считаю наиболее обещающим в будущем и весьма возможным для приложения во многих случаях в России, именно по той причине, что русский народ, взятый в целом, исторически привык и к артелям, и к общинному хозяйству» [4, с. 74–75]. Можно также заметить, что на основе общинных отношений во многом строилась ускоренная индустриализация Японии, Китая и стран Юго-Восточной Азии. Принципы общины лежат в основе построения больших кооперативов малых предприятий юга Италии, которые конкурируют с крупными корпорациями даже в области микроэлектроники. Уже в силу этого нам надо не ло-

мать сложившиеся традиции, не насиловать менталитет народа, внедряя, везде и во что бы то ни стало, принципы индивидуализма согласно западным образцам, а поступить подобно странам Азиатско-Тихоокеанского региона и в соответствии со своими традициями соединять по мере необходимости коллективизм с высокими экологически безопасными технологиями.

Некоторые исследователи видят решение экологических проблем современности в переходе от индустриального к постиндустриальному обществу, в постиндустриальной перспективе. Однако факты свидетельствуют, что та модель постиндустриального общества, которая ныне утверждается в Западной Европе и Северной Америке, представляет собой не что иное, как новый виток научно-технической революции, и не только не решает глобальных проблем современности, но и ведет к новым еще более жестким вызовам природе и культуре.

Одно из основных направлений инновационного скачка в постиндустриальное общество в его незападном, постпотребительском, постэкономическом варианте – критика «цивилизации заменителей», культ натуральных продуктов и естественных образцов. Используя огромные пространства Евразийского континента, сельское хозяйство восточнославянских стран могло бы предложить миру то, в чем он больше всего нуждается, – экологически чистые продукты. В этом реванше естественного над искусственным восточнославянские народы могли бы обрести свои выходы на рынки богатых стран и в целом приблизиться к созданию альтернативного проекта постиндустриального будущего.

Следует заметить, что сегодня массовое производство продуктов питания для обеспечения населения крупных городов оказывается, как, впрочем, и вся продукция массовой культуры, лишь эрзацем, утоляющим физический голод, но не дающим действительного здоровья. Поэтому представители богатых слоев современного городского населения стремятся заполучить для себя продукты питания, произведенные не массово-индустриальным способом, а, как в самые «архаические» времена, индивидуально-крестьянским сельскохозяйственным трудом. Если немного ранее

мировое производство всякого рода эрзацев, то добавляемых в натуральные продукты, а то и вовсе подменяющих их, обосновывалось превосходством искусственного над естественным, то теперь оно все более приобретает вид подпольной технической активности, вполне осознающей свою неполноценность, но пытающейся скрыть ее от массового потребителя.

Одним из проявлений данных метаморфоз и превращений является сегодня активное поощрение в наиболее развитых странах элитарного органического и биодинамического земледелия как нового направления в сельскохозяйственном производстве. Продукция такого рода выращивается и перерабатывается без использования генной инженерии, синтетических или искусственных удобрений, пестицидов, гербицидов, противогрибковых препаратов, окуливания, регуляторов роста, антибиотиков, консервантов, красителей, каких-либо добавок, химического покрытия и т.п. [5, с. 24]. Так, согласно утверждению российского исследователя Е.В. Ковалева, «биодинамические формы существенно отличаются от большинства крупных конвенциональных хозяйств с их стремлением к извлечению максимальных прибылей, безграничному росту капиталовложений, решению агротехнических проблем главным образом с помощью машин и химикатов, к стандартизации и максимальному приближению к фабричным условиям производства» [6, с. 14–15].

Биодинамическое и органическое земледелие представляет собой не просто откат назад, в прошлое, а своего рода синтез старого и нового, содержащий в себе немалый элемент ультравысокой, пожалуй, даже виртуозной технологии сельскохозяйственного производства. Не исключено, что при условии кардинального изменения социального контекста такого рода земледелие могло бы явиться переходом к новому качеству, к новым технологиям будущего сельскохозяйственного производства, вбирающего в себя все достижения традиционной крестьянской культуры.

В СОТВОРЧЕСТВЕ С ПРИРОДОЙ

В вообще следует отметить, что уже на стадии становления общества возникают два принципиально различных техноло-

гических способа взаимодействия человека с природой: технически деструктивный и биологически конструктивный. «Первый предполагает разрушение или потребление природных образований в процессе создания необходимых человеку предметов (техника от палеолита до наших дней); второй же способ – это приручение, совершенствование природных образований (растения, животные) с целью получения необходимых человеку продуктов» [7, с. 57].

К настоящему времени деструктивный способ взаимодействия человека и природы стал абсолютно доминирующим. Если окинуть взглядом последние 300 лет истории техноцентрической цивилизации, мы увидим все ускоряющийся процесс уничтожения природной среды и замены ее искусственной средой – техникой в широком смысле этого слова. Как раз наиболее ярким показателем, измеряющим данный процесс, является скорость уничтожения деревни городом в странах, вступивших на путь развития техногенной цивилизации, а также масштабная экспансия технически деструктивного отношения к природе на остальную часть мира, где веками господствовал традиционный образ жизни. Все это, в свою очередь, обуславливает как настоятельную необходимость восстановления, обогащения и наполнения новым содержанием биологически конструктивной технологии, всемерного ее развития, так и необходимость ограничения некоторых видов человеческой деятельности, потенциально содержащих в себе опасность катастрофических последствий.

В сельскохозяйственном производстве человек сотовариществует, сотрудничает с природой, а заодно и творит вместе с ней. В экологическом отношении этот вид древнейшей человеческой деятельности безупречен. Поэтому есть все основания для предположения о неисчерпаемости перспективы дальнейшего расширения сферы применимости и совершенствования этой одной из древнейших – биологически конструктивной технологии, рожденной сельскохозяйственной деятельностью человека. Здесь, прежде всего, речь может идти о производстве необходимых человеку продуктов и изделий как на основе бионики и микробиотехнологии (вплоть до металлургии), так и на основе взаимодействия и комбиниро-

вания культурных и «диких» форм живых существ, растений и животных.

Иные, конечно, могут усомниться в возможности встраивания столь древнего способа хозяйствования в современную динамическую экономику. В действительности, как это уже показали бурно развивающиеся экономики Китая и Индии, традиционное сельское хозяйство не является препятствием на пути модернизации и развития высоких технологий, а напротив – включает в себе существеннейшие предпосылки для появления их более органичных вариантов.

Все сказанное означает, что сегодня для того, чтобы найти выход из заколдованного круга экологических проблем, выжить, человечеству необходимо реабилитировать другие, незападные стратегии, связанные с преодолением техноцентрической модели развития и возрождением этико-центрических традиций мировой культуры. Сейчас в научной литературе предлагается немало моделей преодоления экологического кризиса. Одни из них вызывают большой интерес глубокой аргументацией и обоснованностью, другие представляют собой, по сути дела, человеконенавистнические проекты всеобщего технического перевоссоздания окружающей природы и самого человека, превращение его в некое подобие роботоконьютерного устройства. Так, российский исследователь Н.А. Косолапов пишет: «По-видимому, разрешение экологических проблем мира XXI века надо искать не на путях возврата – к чему? К социально-природным отношениям XIX, XV или какого-то иного столетия? По каким критериям? – к некоей модели «идеальных» отношений между человеком и природой, реально никогда не существовавших. Перемены в этих отношениях уже необратимы. И выход надо искать в дальнейшем осознанном, целенаправленном и управляемом движении от сохраняющихся остатков «естественности» к созданию целиком и полностью искусственной среды обитания человека. Только в ней станет возможно достижение устойчивого развития как постоянного развития духа – психики, опыта, знаний, культуры – в высокостабилизированной, защищенной от кризисов материальной среде» [8, с. 68].

В этом высказывании, как представляется, благие намерения доминируют над рационально научными соображениями.

Ничего не поделаешь, некоторые современные люди фанатично верят в прогресс. Интересно, а почему бы не подумать автору о том, что воспеваемый им кардинальный скачок в развитии техносферы лежит за пределами не только собственно социальной истории, но и истории человека как биологического вида? Верно ставит вопрос российский исследователь И.В. Ефимчук: «Как бы критично (и вполне заслуженно) ни относились к социальной организации аграрных цивилизаций современные либералы, безусловно одно – такая организация позволяла людям жить (но при го-

И.Е. Репин.
«Пахарь
(Л.Н.Толстой
на пашне)».
1887 год

раздо меньшей плотности населения). Даст ли такую возможность человеку та новая техническая организация разумного бытия, поиск которой активно ведется по всем направлениям (техническим, социальным, естественно-научным)?» [9, с. 152].

Понять правительства тех стран, в которых наиболее всеобъемлюще утвердилась техносфера, в их стремлении превратить остальную, населенную более чем пятью миллиардами человек, часть нашей планеты в почву, удобрения, «этнографический материал» для сохранения сложившегося образа жизни и достигнутых стандартов потребления исключительно только в этих странах, конечно, можно. Однако оправдать эти устремления, особенно имея в виду возможное катастрофическое состояние будущего всего человечества, не представляется возможным. Спорить не приходится, подобного рода поведение идеологов и лидеров стран «золотого миллиарда» в немалой степени объективно обусловлено постоянно разрастающейся техносферой, вне рамок которой население данных стран, в отличие

от других государств, где еще сохранились элементы органической жизни, существовать, похоже, уже не может. Резкий возврат к доиндустриальной модели существования для них уже нереалистичен, невозможен в принципе. Но и непрекращающиеся попытки правительств данных стран (точнее было бы сказать «олигархического интернационала») навязать остальным вопиюще несправедливую, насильственно-иерархическую геоэкономическую и геополитическую структуру еще в большей степени нереалистичны и неосуществимы. В этом как раз и заключается трагическое противоречие современного мира, причина нового, воистину всепланетарного противостояния всего того, что есть Запад и не-Запад.

Для того, чтобы избежать резкой тотальной катастрофы техносферы, способной отнюдь не в последнюю очередь истребить население самых богатых и преуспевающих ныне на почве глобальной конкуренции стран, человечеству необходимо приступить к разумной, по возможности постоянной перестройке, а где необходимо, и к демонтажу сложившегося образа жизни и наиболее опасных достижений так называемого прогресса, то есть перейти к смене курса корабля, имя которому – планета Земля. И это в принципе возможно на любом этапе современного исторического процесса. Ибо история – не запрограммированный, окончательно предопределенный процесс. Она всегда, так или иначе, открыта для исторического творчества. Следовало бы подумать о кардинальной смене нынешней парадигмы развития (это, несомненно, рано или поздно само собой произойдет) и поразмыслить о достижении такой ситуации, которая открыла бы возможность утверждения на нашем маленьком земном шаре господства «планетарного разума», а не планетарного тоталитаризма, способного превратить этот шар в кладбище человечества.

Но, к сожалению, ничего подобного не происходит. История, похоже, ничему не учит. Сегодня, как и в эпоху первоначального накопления капитала, человеческая алчность, эгоизм, «вирус потребительства», недальновидность, то есть неспособность предвидеть конечные результаты преобразующей деятельности, лежащие за пределами получения выгоды лишь «здесь и сейчас», неизбежно берут верх над всем остальным.

Идеалы гуманизма и человечности все время оказываются на периферии устремлений тех групп и лиц, от которых хоть что-то зависит в судьбе нашей цивилизации. Поэтому ничего не остается, как предположить, что человечеству, прежде чем оно образумится, предстоит пройти жестокую «школу» глобальных катастроф и катаклизмов. Симптомов и предпосылок к такому повороту событий обнаруживается сегодня немало.

Прав был Н.А. Бердяев, когда еще в 1922 году высказал следующее суждение: «Чтобы дальше жить, обанкротившимся народам придется, может быть, вступить на иной путь, путь ограничения похоти жизни, ограничения бесконечного роста потребностей и роста народонаселения, путь нового аскетизма, т.е. отрицания основ индустриально-капиталистической системы. Это, конечно, не означает отрицания человеческой изобретательности и техники, но означает изменение ее роли, подчинение ее человеческому духу. Придется по-новому обратиться к природе, к сельскому хозяйству, к ремеслам. *Город должен приблизиться к деревне*» (курсив мой. – Авт.) [10, с. 19–20].

Что же касается восточнославянских народов, то исходным положением сельскохозяйственной философии (политики) должно стать, как представляется, поощрение крестьянского, а не фермерского хозяйствования на земле. Здесь все дело в том, что крестьянствование предполагает сотоварищество, сотворчество, сожительство с землей, а фермерство – ее эксплуатацию. Фермер, в отличие от крестьянина, занят товарным производством, обеспечиваемым не только членами своей семьи, но и наемными работниками, и выступает как звено агробизнеса. С течением времени его менталитет и культурная идентификация все в большей степени отрываются от ментальности и культуры крестьянина и приближаются к основным чертам и характеристикам типичного городского предпринимателя. Не говоря уже обо всем прочем, вытеснение крестьянских хозяйств семейного типа фермерством ведет к быстрому обеднению «социально-культурного ландшафта» человечества.

В последнее время стали появляться публикации, убедительно доказывающие, что крестьянское земледелие принци-

ально более продуктивно и экономно, чем капиталистическая ферма [11; 12]. Фермер лишь «предприниматель на земле», его рациональность, как и у всякого капиталиста вообще, сводится к средствам, но он совершенно иррационален в своих целях и мировоззрении. В то время как крестьянин, разумеется, подлинный, традиционный крестьянин, по своему мировоззрению «эколог на своей земле».

О том, что крестьянское хозяйствование эффективнее и жизнеспособнее, чем фермерское, свидетельствует такой пример: в 1913 году 89 % национального дохода, произведенного в сельском хозяйстве европейской части России, приходилось на крестьянские хозяйства – в 10 раз больше, чем на капиталистические. Значит, насаждавшиеся правительством фермы были менее эффективны. Поэтому и помещики, и скупавшие землю кулаки не устраивали ферм, а сдавали землю в аренду крестьянским дворам. В связи с этим С. Кара-Мурза пишет: «Ну что еще нужно, какой аргумент? Ведь это – эксперимент в масштабе огромной страны. В отчаяние можно прийти: прочтя все это и согласившись с фактами, мой приятель-интеллигент мне говорит: «А все-таки капитализм эффективнее» [13, с. 189]. В плане данного рассуждения уместно напомнить тот известный факт, что единоличные хозяйства, столь последовательно насаждавшиеся в Сибири П.А. Столыпиным, предоставленные сами себе, имели устойчивую тенденцию вновь объединяться в традиционные для русского общества общины. Это лишний раз подтверждает, что в условиях российского климата и географии такая форма деятельности была наиболее жизнеспособной и естественной.

Формы крестьянствования могут быть самыми разнообразными – от хуторов и «родовых поместий» до всевозможных госхозов, колхозов. Жизнь сама выявит наиболее оптимальные из них. Под воздействием таких факторов, как включенность крестьянского хозяйства в природную среду, а также подчиненность образа жизни крестьян региональным природно-климатическим особенностям, и будет в значительной степени складываться тип крестьянского двора с его специфической стратегией выживания, разделения труда и использования ресурсов.

Сегодня важно понять, представить себе всю грандиозность, всечеловеческое значение возрождения восточнославянской сельской культуры и быта. Идеи такого рода могли бы стать духовной основой борьбы за спасение человечества от скорой гибели в острозубых челюстях техногенной цивилизации.

Революции, массовые народные выступления в Северной Африке и на Ближнем Востоке, ошеломившие своей внезапностью, стали своеобразной иллюстрацией сказанному в статье. После нападения биполярной системы, исламская цивилизационно-культурная инициатива стала быстро воплощаться в различные организационные формы и во все возрастающей степени проявлять себя на международной арене. Сегодня она вырвалась (заметим, вовсе не случайно) наружу, демонстрируя свой потенциал, пассионарность и силу. Чем все это завершится, в данный момент сказать трудно. Однако совершенно очевидно, что исламский фактор в обозримой перспективе будет активно воздействовать на формирование новой геоструктуры мира, нового мироустройства. ▬

ЛИТЕРАТУРА

1. Кутырев, В.А. Челюсти рационализма / В.А. Кутырев // Свободная мысль. – 2000. – № 9.
2. Кутырев, В.А. Международный терроризм и глобальный порядок / В.А. Кутырев // Москва. – 2005. – № 3.
3. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М., 2003.
4. Менделеев, Д.И. Границ познания предвидеть невозможно / Д.И. Менделеев. – М., 1991.
5. Ковалев, Е.В. Органическое земледелие – ответ на вызов времени / Е.В. Ковалев // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 9.
6. Ковалев, Е.В. Органическое и биодинамическое земледелие / Е.В. Ковалев // Мировая экономика и международные отношения. – 2006. – № 5.
7. Белик, А.П. Социальная форма уважения / А.П. Белик. – М., 1982.
8. Косолапов, Н.А. По поводу прослушанного доклада «История и психология антропогенных кризисов: гипотеза техно-гуманитарного баланса» / Н.А. Косолапов // Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». – М., 2003. – Вып. 6 (29).
9. Ефимчик, И.В. Социальная организация – прошлое без будущего? (наивные вопросы дилетанта) / И.В. Ефимчик // Общественные науки и современность. – 2005. – № 3.
10. Бердяев, Н.А. Человек и машина / Н.А. Бердяев // Вопросы философии. – 1989. – № 2.
11. Казинцев, А. Дао тун: О Китае с завистью и любовью / А. Казинцев // Наш современник. – 2000. – № 10.
12. Кара-Мурза, С.Г. Столыпин – отец русской революции / С.Г. Кара-Мурза. – М., 2003.
13. Кара-Мурза, С.Г. Плодотворные ошибки Ленина / С.Г. Кара-Мурза // Наш современник. – 1999. – № 10.